

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

БЕН
КЕЙН

ГАННИБАЛ
ВРАГ РИМА

ЭКМО
Москва
2014

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)
К 33

Ben Kane

HANNIBAL. ENEMY OF ROME

© Ben Kane 2011

Разработка серии *А. Саукова*

Иллюстрация на переплете *П. Трофимова*

Кейн Б.
К 33 Ганнибал. Враг Рима / Бен Кейн ; [пер. с англ. М. А. Новыша]. — М. : Эксмо, 2014. — 608 с. — (Исторический роман).

ISBN 978-5-699-70499-6

В III веке до нашей эры чистое небо над Италией затянуло черными тучами новой войны с Карфагеном. Наконец-то у непокорных пунов появился настоящий вождь и великий полководец, имя которому — Ганнибал Барка. Никогда еще не собиралась под карфагенскими знаменами столь мощная армия, и никогда еще не разгоралась так сильно ненависть в сердцах ее воинов. Рим должен быть разрушен!..

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)

© Новыш М. А., перевод на русский язык,
2013

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-70499-6

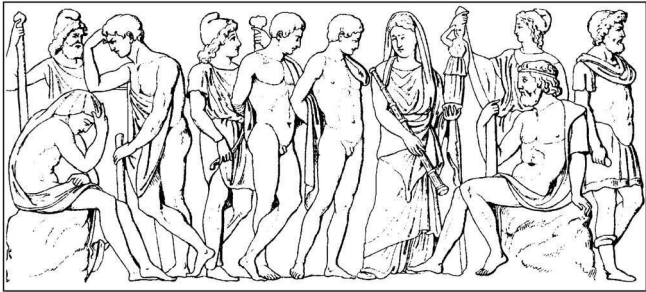
*Посвящается Фердии и Пиппе,
моим чудесным детям*

Средиземноморье в 219 году до Р. Х.

ГАННОН

Карфаген, весна

— Ганнон! — эхом отдался от штукатуренных крашенных стен голос отца. — Пора идти.

Осторожно перешагнув через желоб, выводящий нечистоты на улицу, к сливу, Ганнон оглянулся. Обязанность перед отцом и страстные призывы его приятеля Суниатона разрывали его на части. Политические собрания, на которые отец с недавних пор стал брать его с собой, утомляли почти что до слез. Все они проходили абсолютно одинаково. Толпа самодовольных бородатых старейшин, явно наслаждаясь звуками собственной речи, раз за разом ругалась на то, что Ганнибал Барка, находящийся в Иберии, превысил данные ему полномочия. Малх, отец Ганнона, и его ближайшие соратники обычно выступали последними. Они поддерживали Ганнибала, но молчали, пока у седобородых старцев не иссякал запал. А Малх выступал последним из сторон-

ников Ганнибала. Его слова были почти всегда одинаковы. Ганнибал, меньше трех лет возглавляющий войска в Иберии, выполнил огромную работу, укрепив власть Карфагена над местными дикими племенами, создав дисциплинированную и боеспособную армию и, что самое важное, установив контроль над серебряными рудниками. Деньги в казну текли рекой. Кому еще удавалось достичь столь благородных целей, одновременно обогатив Карфаген? Защитив племена, на которые напали жители Сагунта, города, заключившего союз с Римом, он укрепил власть Карфагена на землях Иберии. В таких делах молодому Барке следовало предоставить всю полноту власти.

Ганнон понимал, что единственным мотивом остальных политиков был страх. Страх перед армией, собранной Ганнибалом, и зависть, лишь отчасти утоляемая привозимым из Иберии на кораблях серебром. Обычно умело подобранных Малхом слов хватало, чтобы вновь склонить мнение Совета на сторону Ганнибала, но на это требовались многие часы уговоров. От бесконечных политических игр Ганнону хотелось завопить в голос, сказать старым идиотам, что он на самом деле о них думает. Конечно, он никогда не опозорит отца, сделав это, но и провести еще один день среди них он тоже был не в состоянии. Да и идея отправиться порыбачить выглядела так привлекательно...

Кто-нибудь из посланцев Ганнибала регулярно доставлял его отцу отчет о состоянии дел в Иберии. Последний побывал у них меньше недели назад. Эти ночные встречи, по идее, должны были быть тайными, но Ганнон уже запомнил в лицо проходящего к ним воина с желтоватой кожей, скрывавшего себя плащом. Сафону и Бостару, его старшим братьям, было дозволено присутствовать на этих встречах. Взяв с Ганнона клятву хранить молчание, Бостар обычно все ему рассказывал. А при возможности Ганнон был не прочь и подслушать. Итак, если коротко, то Ганнибал поручил Малху и другим своим союзникам обеспечить дальнейшую поддержку со стороны старей-

пин. В Сагунте скоро — и неизбежно — начнется представление, но открытым конфликтом с Римом, старым врагом Карфагена, пока еще не пахло.

Снова прозвучал звучный и недовольный голос отца, отразившийся от стен коридора, ведшего во внутренний двор. Голос с оттенком раздражения:

— Ганнон! Мы так опоздаем.

Ганнон замер. Он боялся не того, что отец его отругает, а, скорее, разочарования, которое будет при этом у него в глазах. Отпрыск одного из старейших родов Карфагена, Малх являл пример верности традициям и ожидал того же от своих трех сыновей. В свои семнадцать Ганнон был младшим. А еще тем, кто чаще всего не соответствовал идеалам отца. По какой-то причине Малх ждал от него даже большего, чем от Сафона и Бостара. По крайней мере, так казалось самому Ганнону. Сельское хозяйство, основной источник дохода их семьи, мало интересовало его. Военское же искусство, любимое дело отца, приводило Ганнона в восторг, но именно оно было под строжайшим запретом в силу его молодости. Братья могли отправиться в Иберию в любой момент. Без сомнения, там они покروют себя славой, приняв участие во взятии Сагунта. Горечь и разочарование наполнили Ганнона. Ему оставалось лишь продолжать упражняться в верховой езде и владении оружием. «Распорядок, устроенный для меня отцом, столь скучен», — подумал он, позабыв слова, часто повторяемые Малхом: «Будь терпелив. Все приходит к тем, кто ждет».

— Пошли! — сказал Суниатон, хлопая Ганнона по руке, дернул головой в сторону бухты, и золотые серьги в его ушах зазвенели. — Рыбаки наткнулись на огромные косяки тунца, на рассвете. Мелькарт в помощь, рыба еще не ушла далеко. Наловим не одну дюжину! Подумай только, сколько денег за них выручим! — Он перешел на шепот. — А еще я взял амфору вина из отцовского погреба. Выпьем, когда будем в лодке.

Окончательно потеряв способность сопротивляться, Ганнон выкинул из головы голос Малха, с каждой секун-

дой становившийся все громче. Тунец был одной из самых ценных рыб в Средиземном море. Нельзя упускать возможность, если уж косяк подошел близко к берегу. Выйдя на прорезанную глубокой колеей улицу, Ганнон глянул на высеченный символ на плоском камне у входа в их дом с плоской крышей. Перевернутый треугольник с чертой сверху и круг, символ богини, покровительствующей их народу. Мало было домов, на которых не стоял бы такой символ. Ганнон попросил у Танит прощения за неповиновение отцу, но возбуждение, охватившее его при мысли о предстоящей рыбалке, было так велико, что он забыл попросить богиню-мать о защите.

— Ганнон!

Судя по голосу, отец был уже совсем близко.

Не выказывая суеты, двое юношей быстро смешались с толпой. Их семьи жили поблизости от холма Бирсы. На его вершине располагался храм Эшмуна, бога плодородия, здоровья и благосостояния. К нему вела величественная лестница из шестидесяти ступеней. Суниатон жил с семьей в огромной постройке рядом с храмом, в котором служил жрецом его отец. Названный в честь бога Эшмуниатон, что, впрочем, часто сокращали до Суниатона и даже Суни, он был самым близким другом Ганнона. Редкий день они проводили врозь с тех пор, как научились ходить.

Остальные дома вокруг тоже были весьма солидны. Бирса была одним из самых богатых районов города, что можно было понять по ее широким улицам, пересекавшимся под прямыми углами. Большинство извилистых улиц города были не больше десяти шагов в ширину, но здесь они были прямыми и вдвое шире. Тут жили богатые купцы, старейшины и военачальники. Поэтому Ганнон бежал вперед, опустив взгляд к утоптанной земле и сливным отверстиям по сторонам, располагавшимся через равные промежутки. Слишком много людей могли узнать его, и последнее, что ему хотелось, — это чтобы его остановил и принялся расспрашивать кто-нибудь из оппонен-

тов Малха в Совете старейшин. Если его поймают и за ухо приведут обратно домой, это будет не только обидно, но и повредит репутации семьи.

Но пока что никто не обращал на них внимания. С непокрытыми головами, одетые в облегающие рубахи длинной по колено, из красной шерстяной ткани с белой полосой посередине и высоким горлом, они ничем не отличались от остальной молодежи из богатых семей. Такая одежда была куда практичнее, чем прямые длинные туники из шерстяной ткани и конические войлочные шапки, которые носили большинство взрослых, и удобнее, чем вышитые куртки и складчатые юбки тех, кто вел свой род с Кипра. На простых кожаных ремешках, перекинутых через плечо, висели в ножнах кинжалы. У Суниатона еще был заплечный мешок.

Хотя многие говорили, что они похожи, как братья, Ганнон не мог понять таких слов. Сам он был рослым и поджарым, Суниатон же — невысоким и коренастым. Конечно же, у обоих была темная кожа и курчавые черные волосы, но на этом сходство заканчивалось. У Ганнона было узкое лицо с прямым носом и высокими скулами, у Суниатона же оно было округлое, с вздернутым носом и выдающейся вперед челюстью. Конечно, подумал Ганнон, глаза-то у обоих зеленые. Необычная черта среди темноглазых карфагенян — видимо, поэтому их и считали родственниками.

Безавший в шаг впереди Ганнона Суниатон едва не столкнулся с плотником, несшим несколько длинных кипарисовых досок. Вместо извинений он лишь задрал нос и двинулся дальше, к крепостной стене, до которой оставалась сотня шагов. Сдержав желание завершить дело, подтолкнув разозленного мастерового, чтобы тот упал, Ганнон тоже пробежал мимо, уворачиваясь и ухмыляясь во весь рот. Это было еще одно сходство, его и Суниатона, — дерзкое поведение, совершенно не похожее на обычную серьезную манеру держать себя, свойственную большинству их соплеменников. Часто это при-

водило к неприятностям, а еще это постоянно раздражало их отцов.

Спустя мгновение они оказались под огромным крепостным валом — тридцать шагов в ширину и столько же в высоту. Как и внешняя, стена на валу была сложена из огромных четырехугольных глыб песчаника. Множество слоев побелки отражали солнечный свет от стен, отчего те казались еще больше. Наверху была сделана широкая дорога, через равные промежутки располагались башни, и все сооружение внушало благоговейный ужас. Хотя внутренняя крепость на самом деле являлась лишь малой частью всей системы обороны города, Ганнон всегда любил глядеть на внешнюю стену, идущую вдоль моря, каждый раз, как ему доводилось выходить из ворот внутренней крепости. Шедшая с севера, от сухопутной границы города, она загибалась к юго-востоку, примыкая к двум гаваням, окаймляя их и уходя на запад. На крутых склонах севернее и восточнее и на юге, где море закрывало подход, сочли достаточным одной стены, но в западной части полуострова, примыкающей к материку, соорудили три рубежа обороны: широкий ров, высокий вал и огромную стену. Стены, общая длина которых превышала сто восемьдесят стадиев, были огромны, и в некоторых местах внутри них были оборудованы двухъярусные казармы. Там могли разместиться тысячи пехотинцев, кавалеристов с лошадьми и сотни боевых слонов.

Город, в котором жило больше четверти миллиона человек, тоже притягивал взгляд. Прямо перед ними располагалась Агора, большая площадь, по краям которой разместились здания государственных служб и бесчисленные лавки. Здесь жители города встречались, чтобы вести дела, показать себя, прогуляться вечером или проголосовать на народном собрании. Дальше располагался порт, уникальный в своем роде. Огромный внешний порт — торговый, прямоугольной формы, и внутренний — округлый, где стояли военные корабли. В торговом порту имелись сотни причалов, а военный был способен вместить

больше двух сотен трирем и квинквирем в специально построенных для них укрытиях. К западу от порта располагался старый храм Баал Хаммона, уже не такой почитаемый, как прежде, но все еще сохранивший авторитет среди остальных. На востоке находилась Хома, огромный рукотворный полуостров, где причаливали рыболовецкие лодки и небольшие суда. Туда-то они и направлялись.

Ганнон безмерно гордился родным городом. Он понятия не имел, как выглядит Рим, главный и старейший враг Карфагена, но сомневался, что Рим смог бы соперничать с его родным городом в величии. Да и желания сравнивать Карфаген со столицей Республики у него не было. Он хотел увидеть Рим лишь единожды — тогда, когда тот падет, завоеванный армией Карфагена, прежде чем его сожгут дотла. Гамилькар Барка, отец Ганнибала, взрастил в своих сыновьях ненависть ко всему римскому, и Малх поступил точно так же. Как и Гамилькар, отец больше десяти лет воевал в Сицилии, в первой войне против Республики. Бесплодной и оскорбительной в итоге.

Ничего странного не было в том, что Ганнон и его братья в деталях знали подробности всех битв на суше и на море, длившихся на памяти целого поколения. Эта война стоила Карфагену жизни людей, территорий и огромных денег, но истинные раны залегли куда глубже. Гордость Карфагена втоптали в грязь, победив его на полях сражений, а всего спустя три года по завершении войны карфагенян оскорбили еще раз. Римляне вынудили Карфаген оставить Сардинию и увеличили контрибуцию. Это, как постоянно говорил Малх, еще раз доказало, что все римляне — лживые псы, лишенные чести. Ганнон был согласен с ним и ждал, когда же снова начнется война. Недовольство Римом среди карфагенян было столь велико, что начало военных действий было лишь вопросом времени. И скорее всего, они начнутся в Иберии. Очень скоро.

— Ты ел? — спросил Суниатон, повернувшись к Ганнону.